

окрестности

Южный Урал. Родная история

Жизнь челябинской школы к началу XX столетия

Говоря о развитии челябинской школы в XVIII – нач. XX вв., следует отметить, что она, как и российская школа в целом, ориентировалась на общественные потребности. Утилитарность даваемых ей знаний изначально доминировала над их мировоззренческим содержанием. Как отмечал П. Н. Милюков: «Общее образование само по себе одинаково мало ценилось как правительством, так и обществом». Учащиеся стремились получить лишь те знания, которые им могли пригодиться в практической деятельности. Наглядный пример этого дают нам русские словесные школы XVIII в., в которых обучались будущие служители церкви. В них должны были обучать славяно-русской грамматике, пению по нотам, чтению, письму и арифметике. Однако, как говорят архивные документы, арифметика в них фактически не изучалась, так как учащиеся и их родители не видели в этом никакой пользы и не желали платить за обучение четырем действиям. В составленном в 1791 г. реестре челябинского духовенства, содержащем сведения о грамотности, типичной была фраза: «В чтении и нотном пении исправен, пишет исправно, арифметике не обучался». Дореволюционная челябинская школа, равно как и школа российская, существовала в рассматриваемый период в условиях деления общества на сословия. При этом нередко дискутировались вопросы о целесообразности для выходцев из того или иного сословия получать образование, не соответствующее их положению в обществе, и о возможном вреде этого. То есть в излишних знаниях виделся несомненный вред общественной стабильности. Но если к началу XX века подобные взгляды отошли в тень, то отношение к начальной школе как школе для низших сословий, а к средней – как школе для средних и высших слоев общества еще сохранялось. Учителя средней и начальной школы находились вследствие этого (по уровню зарплаты) фактически на разных социальных уровнях. Своеобразным рычагом, позволявшим сохранить за средним и высшим классом свои позиции в образовании, была плата за обучение. Если к 1914 г. в Челябинске начальное образование было доступно всем, в силу своей бесплатности и принятия принципиального решения о введении всеобщего начального образования, то среднее образование многим было не по карману. Учителю как особый слой населения Челябинска сформировалось не сразу. В XVIII столетии исполнение учительских обязанностей нередко поручалось просто грамотным людям, не имевшим специального педагогического образования и принадлежащим чаще всего к духовному сословию. Так, первый челябинский учитель Дмитрий Гилев, «порядочно и успешно» работавший в Челябинской русской словесной школе, был сыном священника и имел домашнее образование. Из духовного сословия

происходили и все другие преподаватели первого учебного заведения города. Существенным образом ситуация поменялась лишь в XIX в., когда правительство предприняло практические шаги по увеличению числа учебных заведений в стране и созданию их сети. Тогда же коренным образом поменялась ситуация и с профессиональной подготовкой педагогических кадров. В начале XX в. в Челябинске уже работали выпускники ведущих российских и даже зарубежных университетов. Однако заработная плата учителей в городе сильно разнилась: если в низшем начальном училище она колебалась от 180 до 650 рублей в год, то в среднем учебном заведении составляла с различными надбавками от 900 до 4500 руб. Нельзя сказать, чтобы учительство начального звена было таким положением дел довольно. Тем более что с включением Челябинска в число железнодорожных станций (1892 г.) резко возросли цены на продукты, жилье, услуги. Приходилось искать приработки. Об этом на педагогическом совещании, проведенном 25 ноября 1907 г. в Челябинске директором училищ Оренбургской губернии Н. А. Спицыным, говорил челябинский учитель В. К. Балакин. Отвечая на высказанное директором училищ пожелание местным педагогам чаще собираться на общие совещания, для решения насущных учебных вопросов, он отмечал: «Мы не имеем времени для общих педагогических совещаний, каждый из нас ищет каких-нибудь занятий: тот занимается в другом учебном заведении, тот дает частные уроки, тот работает в газете, словом, у нас нет досуга, чтобы поговорить. Иначе и быть не может, когда человек нуждается в самом необходимом». Вдореволюционный период школьные программы, как и сегодня, не были совершенными, а потому тем, кто относился к своей работе не формально, нередко приходилось идти на известный риск (ревизорами и учебным начальством это не приветствовалось) и вносить в них коррективы. При этом мысли, высказанные почти 100 лет тому назад в обоснование необходимости таких корректив, и сегодня кажутся актуальными. Вот что в 1912 г. писал учитель русского языка и словесности Челябинской торговой школы И. М. Пономарев: «Конечную целью русского языка как учебного предмета в школе является, бесспорно, умение учащихся пользоваться книгой, т.е. умение понимать ее, понимать художественные и популярно-научные сочинения, которые проясняют понятия, будят мысль и «чувства добрая», возбуждают желания и стремления и, вместе с тем, приучают учащихся к логической последовательности мыслей и обогащают их язык; этим достигается и другая, не менее важная цель – умение излагать свои мысли... Развитие же интереса к чтению вообще и к художественному в частности, по моему мнению, не может быть достигнуто обычным разбором и школьной, часто искусственной, планировкой хрестоматийных от-

рывков. Что, например, может дать в этом отношении помещенный в хрестоматии Острогорского отрывок из поэмы «Мертвые души» Гоголя – «Детство Чичикова»? Для этого мира, для учеников приготовительного класса, где введена эта хрестоматия, – слезы автора, действительно, неведомы. Мы... не обнаружим души этого отрывка и, конечно, преподнесем детям что-то непонятное для них, безжизненное, и с первых же шагов их школьной жизни бросим семена индифферентизма к этому величайшему произведению художественной литературы». Какой же выход нашел в этой ситуации преподаватель? Он заменил не соответствующий возрасту его воспитанников текст на другие, более им понятные и близкие. В течение учебного года он давал им для чтения сказки Андерсена, рассказы Мамина-Сибиряка, Станюковича, Вересаева, Засодимского и других писателей. На некоторых уроках, как сообщает учитель, интерес к читаемому произведению был настолько велик, что в классе стояла «мертвая тишина». В этих случаях преподаватель обычно давал в качестве домашнего задания сочинение, чтобы каждый ученик мог осмыслить прочитанное произведение еще раз и имел возможность выразить свой взгляд на него в письменной работе. Министерство народного просвещения и руководство Оренбургского учебного округа (в чьем ведомстве до 1917 г. находились школы, размещавшиеся на территориях, ныне входящих в состав Челябинской области) всячески стремились повысить уровень преподавания в учебных заведениях. Для повышения квалификации педагогов проводились ежегодные учительские курсы в различных городах Южного Урала, в том числе и в Челябинске. Для решения первоочередных задач созывались общие педагогические совещания, нередко с участием начальствующих лиц. Оригинальной формой передачи педагогического опыта были учительские экскурсии в различные населенные пункты Урала. За взаимоотношения учителей с учениками бдительно следило учебное начальство и общественность. Неудачные в педагогическом отношении действия челябинских педагогов по отношению к ученикам становились темами газетных статей и реплик. На фоне революционного брожения в обществе, крушения многих нравственных устоев, в начале XX века участились случаи, когда ученики вступали в физическое противоборство с учителями. В присылаемых на места из Министерства народного просвещения документах описаны десятки случаев, когда дело доходило до драки. Учеников в этом случае обычно отчисляли с так называемым «волчьим билетом». Во все школы империи в таких случаях направлялось распоряжение, запрещающее принимать бывшего ученика в какое бы то ни было учебное заведение страны. При этом и к учителю относились строже, видя причину случившегося и в нем.

Однако следует подчеркнуть, что большая часть челябинских учителей относилась к ученикам с соответствующим уважением. Об этом спустя много лет вспоминали бывшие учащиеся. Работавшая в детской Кремлевской больнице Александра Яковлевна Резвушкина, также бывшая гимназистка, в 60-х годах XX века в своих воспоминаниях писала: «Наши преподаватели были, безусловно, образованнее и культурнее современных учителей. Они нам прививали высшие гуманные чувства, честность и патриотизм. Все это делалось без тезисов и лозунгов. Привили они любовь к труду, чувства товарищества и уважения к старшим... Даже наш батюшка, и тот не очень допекал нас законоучением, а больше говорил о любви к ближнему своему, просто о дружбе человеческой и о гражданской порядочности». В конце XIX – начале XX вв. сложилась определенная система организации учебного процесса. Была закреплена длительность урока – 40–45 минут. Продолжительность учебного времени и каникул («летних и зимних вакансий») определялась уставами учебных заведений и распоряжениями Попечителя учебного округа. При приеме в средние учебные заведения, переводе из класса в класс, окончании учебного заведения проводились экзамены («испытания»). В случае болезни ученик должен был сообщить в учебное заведение о невозможности посещать занятия. Форма подобных заявлений была произвольной. Вот лишь одно из таковых, обнаруженное нами в документах учительской семинарии: «Его Высокородию Господину Директору. Сим имею честь сообщить Вашему Высокородию, что вследствие моей болезни, не позволяющей выходить на двор, я 7, а может быть и 8 января, присутствовать на уроках не могу. 3 января 1915 г. Воспитанник А. Подгорбунских». Учащийся, выезжавший на каникулы в другой населенный пункт, получал специальное удостоверение и был обязан встать на учет по месту прибытия. В случае сильных морозов занятия в школах отменялись, о чем учеников извещали специальным боем колоколов близлежащих церквей. Успешность оценивалась по пятибалльной системе. Существовала специальная система школьных наград. Во 2-й половине XIX в. появляется традиция награждать окончивших учебное заведение на «отлично» специальной золотой или серебряной медалями. Одной из форм поощрения малоимущих учеников за хорошую учебу были стипендии, нередко именные. Так, в Челябинском реальном училище присуждались стипендии им. Н. В. Гоголя, в честь 100-летнего юбилея войны 1812 г. и т.д. Одним из острых для Челябинска был вопрос о дисциплине среди учащихся. Характерные слова в этой связи можно прочитать в одном из отчетов попечительного совета Челябинской торговой школы: «В торговую школу мальчик попадает далеко не в том виде, и не при тех условиях, чтобы из него можно было сделать, что угодно. Сплошь

и рядом публику приходится перевоспитывать. Нравы той среды, которая дает преобладающий состав учащихся, стоят настолько невысоко, что можно удивляться не тогда, когда в школе, положим, случится воровство или мордобитие, а если бы этого не случилось совершенно. Челябинск сам по себе – город несколько особенный. Занимая место ворот между коренной Россией и Сибирью, он волею судеб получил в число своих горожан весьма значительный процент различных проходимцев: людей без роду и племени, искателей легкой наживы, воров, а то просто голытьбы, приткнувшейся на время, чтобы оправиться после неудачной земли обетованной. Из такой и подобной публики составляли целые поселки, слившиеся с городом в одно целое... Дети этих окраин часто поражают своею некультурностью, отсутствием самых элементарных понятий о порядочности, чести, святости, чужой собственности и т.д. – тех понятий, которые с общепринятой точки зрения считаются необходимыми атрибутами культурной среды». 30 ноября 1887 г. Попечительским советом округа были выработаны правила для учеников средних учебных заведений Оренбургского учебного округа. В соответствии с ними, от учеников требовалось соблюдать чистоплотность и опрятность «в содержании платья и учебных принадлежностей». Воспрещалось «ношение длинных волос, усов, бороды, а равно излишних украшений, не соответствующих установленной форме, как-то: колец, перстней и пр., а также – тросточек, хлыстов и палок». Строжайше запрещалось «курение табака во всех видах, употребление спиртных напитков, держание у себя огнестрельного оружия». Учащиеся не должны были посещать маскарады, клубы, трактиры, различные увеселительные заведения. Рост общественной активности накануне 1917 года существенным образом сказался и на школьной жизни. В некоторых учебных заведениях выпускались рукописные журналы, действовали клубы, оркестры, хоры и т.п. Школа переставала отвечать только утилитарным потребностям подготовки молодого человека к профессиональной деятельности. Она всё более и более занималась вопросами воспитания. При этом в общественном сознании не чувствовалось удовлетворения от состояния школы как в стране в целом, так и в Челябинске в частности. Всё чаще звучали мысли о необходимости реформирования народного образования, обсуждались возможные модели этой реформы. Грянувшая революция перевела эту дискуссию в практическое русло, радикально изменив систему образования. Дореволюционная модель, существовавшая более ста лет, фактически была ликвидирована.

➤ Владимир Боже, историк

■ Печатается в сокращении. Полная версия материала – на сайте Zenon74.ru

Марина Загидуллина

АРКАИМ – ПОСЛАНИЕ ДРЕВНИХ

Ниже публикуется фрагмент книги Марины Загидуллиной «Прадедушка Аркаим», которая увидит свет в сентябре этого года в издательстве Игора Розина.

Во втором тысячелетии до нашей эры с берегов Инда и Ганга в аркаимские степи (юг Челябинской области) пришли индоиранские племена – древнейшие предки ариев (арья). Здесь основали они уникальную цивилизацию, запечатленную в ведийских текстах, Ригведе и Авесте. Здесь построили Страну городов. Здесь развивалась и крепла уникальная государственность – основанная на равенстве и единстве. Эта территория, раскинувшаяся на 350 квадратных километров в южном Зауралье, хранит тайну, открытие которой могло бы сдвинуть с мертвой точки зашедшую в тупик современную цивилизацию.

Тайна эта – Аркаим. И даже не тайна, а самый настоящий завет – великое послание из прошлого в будущее, зашифрованное в неясных знаках откровения...

Тогда, четыре тысячи лет назад, не было границ в их сегодняшнем государственном смысле. Земля была открыта немногочисленным племенам людей – и лежала перед ними как terra incognita, неизвестное пространство, полное опасностей и чудес.

Зачем пришли сюда арии? Как выглядело это пространство четыре тысячи лет назад? Каков был климат, растительность, животный мир? Как организовали свою жизнь пришельцы? И – главное – почему покинули эти края? На эти и другие вопросы нет однозначного ответа.

Но мы можем уверенно говорить, что именно здесь и произошел настоящий взлет мифологического мышления и ритуальной деятельности, которые зафиксированы археологически в поселенческой архитектуре, фортификации и погребальных сооружениях. Перед нами – альтернативный вариант пути безгосударственного цивилизованного развития, полноценная цивилизация, существовавшая здесь за 500-600 лет до древней Трои, ровесница египетских пирамид.

Каковы же были общие черты цивилизации протоарийцев в Аркаиме? Вместо имперского принципа, положенного в основу всех известных развитых цивилизаций (сильная армия, захват все больших территорий, взимание дани с захваченных народов и их порабощение, расцвет культурно-досуговых форм центра за счет рабского труда провинций и т.п.), Аркаим явил нам гигантскую модель сосуществования человеческих сообществ в природном пространстве. Здесь совершенно иные приоритеты и критерии оценки «развитости». На первое место выступает натуралистическая зоркость, основанная на невыделении себя из природного мира.

Вместо сильного государства – союз городов. Вместо армии – колесницы, главная задача которых, скорее, охрана скота от «варварских» племен. Вместо царских дворцов и убогих лачуг бедняков – город-дом, почти хрустальный дворец из утопий Чернышевского: здесь есть тайные

покои для интимной жизни людей, общее пространство для дружных и по-настоящему семейных трапез и сборов, место для ежедневного радостного труда и возможность заниматься наукой и искусством. Город-обсерватория, город мастеров, город ритуалов. Здесь всем достаётся равное жизненное пространство, достаточное для ощущения счастья и безопасности, для ощущения собственной значимости и одновременно причастности к общему союзу. Все пространство ежедневной жизни оказывалось ритуальным, а специальные святилища нужны были для того, чтобы постоянно напоминать человеку о его связи с ручьями, деревьями, холмами и перелесками. Обмен велся здесь интенсивно и успешно, но дело было не в поиске «рынков сбыта», а в удовлетворении все более прихотливых и сложных потребностей мастеров и исследователей. Это была альтернативная экономика успешного натурального хозяйства – одновременно замкнутого и раскрытого постоянному информационному обмену. В каждой семье огромного города умели лить металл и обжигать горшки, ткать ткани и шить обувь, делать украшения и заготавливать продукты. Но

эта «домостроевская» модель была принципиально открыта влиянием других: других семей, демонстрирующих свои достижения на общих городских ритуальных сборах на центральной площади, других городов, расположенных в удобной и обозримой близости. Иначе чем объяснить такой мощный всплеск единых по сути и неповторимых по реальному воплощению планировок разных городов, конструкций городских систем, предметов труда и быта, украшений и способов захоронения? Общность культуры, несомненно, обеспечивалась интенсивным информационным обменом, развитой и хорошо освоенной системой передачи знания новым поколениям (наставничеством), а также явным прогрессом сложной религии аркаимцев, в основе которой лежал культ почитания Вселенной в ее планиметрическом единстве – Космос, Хаос, Земля, Вода, Огонь и Воздух образовывали главные направляющие религиозной мысли аркаимцев...

...Огромное пространство степи. Солнечные восходы и закаты. Тучи в полнеба. Грозы. Ливни. Пространство, всхолмленное небольшими сопками. Речки, прихотливо и спокойно льющие свои воды среди ровных берегов. Все это – зауральский пенеплен, граница между Европой и Азией, севером и югом. И вот –

среди этих просторов вырастают поселения. На расстоянии 40-60 километров располагаются неповторимые по своей архитектуре создания человека, пришедшего сюда жить, а не брать.

Овальные крепости – четкий, геометрически правильный повтор формы яйца – символа жизни, рождения. Это самые первые, древнейшие поселения. Вокруг города – территория хозяйствования, радиус ее километров 20-30, столько может без усталости пробежать конь. Больше пространство городу и не нужно – оно избыточно. Город не стремится к захвату все большей территории. Философия древнего племени – «вход» в пространство природы, вписывание в него, а не «природопользование» (только подумайте в безнравственность самого этого слова!). Позднее появились города-круги

она не предполагает увеличения и разрастания, а значит, максимальное число жителей заранее предопределено – не более 20 человек в каждом отдельном доме. Получается, что аркаимское жилище представляет собой «улей» для одного большого сообщества: как только население перерастет возможности «дома» – возникнет необходимость основания нового города-улья.

Можно представить себе, как это делалось! Как шли люди по степи, отыскивая место для нового гнезда – вдали от хозяйственной территории других городов. Это место обязательно было рядом с водой – более того, вода должна была окружать крепость со всех сторон. И в те древние времена степные реки не были серьезным препятствием для врагов, поэтому очерчивание водного круга было, скорее, ритуальным, чем охранительным.

Определив место будущего города – сухую, ровную, немного приподнятую площадку, люди продумывали ориентирование всей городской конструкции по сторонам света. Аркаим четко сориентирован на расположенную рядом с ним гору Шаманку. Повторяя ее круглую форму, он главным входом «смотрит» на гору (на юго-запад). Конечно, как и любое возвышение, Шаманка имела ритуальный, сакральный смысл в древнем сознании, – впрочем, как и земля, камни, звери, птицы... Но не только главный вход, а и все остальные (всего четыре входа) были четко сориентированы на восходы и закаты Солнца и Луны в ключевые даты сельскохозяйственного календаря. Город был самой настоящей обсерваторией, а не случайно «сколоченной» временкой.

Строительство должно было быть дружным, энергичным, «одномоментным». Город представлял собой один большой дом, а значит, должен был быть возведен в «один сезон», до поры непогоды и холода. Он создавался всеми семьями, собиравшимися там жить. А значит, строился не «по шучьему велению», а при наличии достаточного числа семей. Если в Аркаиме при реконструкции насчитывается 66-67 «лепестков»-«квартир» внутреннего и внешнего круга, то это значит, что 66-67 семейных кланов создали город.

Но что принципиально важно в возведении городов-крепостей – это принцип разделенной ответственности при строительстве. Это значит, что каждая семья строила свой сектор крепости-диска самостоятельно. Не бригада «артельщиков», а именно такой коллективно-семейный застой и был особенностью этих больших городов-дисков, квадратов, овалов. Так каждый клан становился ответственным за качество возводимых стен, за глубину прорываемого канала, а в то же время строил он «для всех» и «для себя».

Раскопки показывают, что устройство жилища было непростым: заранее следовало продумывать движение воды в городе: так называемая ливневая канализация планировалась до начала строительства. Продумывался и канал, идущий вдоль всего внутреннего круга жилищ, – он покрывался деревянной мостовой, был скрыт, спрятан. Возводился и «третий круг» – ров и насыпь – отгораживающий пространство для выпаса скота. По размеру этого круга можно представить себе количество домашних животных

протогорожан: выпас очерчивал не больше и не меньше той территории, что была нужна для максимального наполнения города...

Строился и огород – по-видимому, так же дружно. Наконец, обустроивалось и пространство вокруг города: как уже было сказано, 20-30 км в диаметре. Большее расстояние горожанам было не нужно – зачем же отдаляться от крепости больше чем на один лошадиный перегон! Но этот круг был именно освоен древним сообществом: здесь добывали медную руду, глину, дрова, здесь охотились и ловили рыбу, здесь устраивали могильники и курганы, размечая пространство степи в соответствии со своими символическими представлениями. Круг самого города-дома причудливо повторялся и отражался в большом круге поселения: это была модель Вселенной, где в любом элементе заключается Целое.

Человек мог (и был обязан!) обойти свои владения так же, как Солнце ежедневно обходит Землю, отправляя свое тепло каждому земному участку. Это ритуал и одновременно завет: жить посолонь, быть для осваиваемого пространства солнцем, заботиться и внимательно следить за всем, что здесь происходит.

Человек выезжает утром из стен крепости-дома, он скачет по степи, где из любой точки видна насыпь кургана-усыпальницы, своеобразного мифоцентра, некоего аналога церкви, чьи купола всегда возвышаются над пространством деревни или городка. Солнце ведет всадника – он безошибочно знает, как оно должно быть расположено относительно его движения к цели. Он скачет к отдаленному участку своей ойкумены, проезжая мимо поля проса и ячменя (не чета нашим бескрайним полям – фактически это гряды большого огорода, к которым удобно подойти, чтобы выкопать, поправить посевы – урожай будет достаточным и даже избыточным и на такой маленькой территории), мимо рощи, где трудятся его соседи, заготавливая дрова и стволы для ремонта города (это настоящая отдельная отрасль труда – ремонтно-архитектурные работы), вдоль русла реки, где рыбаки ловят рыбу, тут же вяля ее на солнце, вдоль заболоченного участка, где женщины заготавливают корни болотных растений для приготовления краски для тканей, мимо медного рудника – аккуратного шурфа, откуда вынимают ценную породу и укладывают ее на специальные тележки, в которые впряжены лошади... Человек достигает границы своего царства: высокий каменный идол указывает на то, что путь его подошел к концу. Здесь человек выполняет ту работу, что привела его «на край земли»: он ловит куропаток, пользуясь искусно сделанным силком, а потом, довольный, возвращается в город-дом. Куропатка, суслик, хомячок, всплывший на своей старой плотине, лисица и дикий кабан – всё это мирродина, и человек высекает из камня силуэты птиц и зверей, которые украсят набалдашники тростей, что станут амулетами, он создает сложный рисунок на боках сосуда, повторяя тайнопись природы. Земля в пределах этого круга уже никакая не terra incognita – это земля сотрудник, земля-кормилица, земля-дом.

В оформлении использованы фотографии Т.В. Еремеевой

«У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА БЫТЬ СВОЯ ЗВЕЗДА...»

Интервью с К. А. Ямиловым, музыкантом и педагогом, создавшим в Челябинске уникальный Музей музыкальных инструментов и этнографии

– Кабир Александрович, ваша коллекция инструментов, наверное, никого не оставит равнодушным. Расскажите, с чего она началась.

– Коллекция появлялась спонтанно. Когда-то я был дирижером оркестра русских народных инструментов и руководителем детского фольклорного ансамбля «Уральский сувенир» при Дворце культуры ЧТЗ, мы выезжали на конкурсы, фестивали. В знак благодарности восторженные слушатели дарили нам музыкальные инструменты в надежде, что они обретут новую жизнь. Это были не только традиционные, но и редкие экземпляры. Так постепенно складывалась коллекция и зарождалась мысль о возможности создания музея. Вообще, стремлению создать музей необычных музыкальных инструментов способствовало и то обстоятельство, что зачастую для разнообразия тембрового звучания ансамбля не хватало, как мне казалось, национального колорита, – и со временем я начал делать инструменты по книге: бочок с горохом, пастуший хлыст или бич-хлопушка, рубель, колотушка-сторожевик. У нас в ходу даже были косы, пилы...

– Косы и пилы – как средства извлечения музыки?

– Ну да! Изначально меня вдохновил своим примером артист цирка Каримов. Он показал мне цирковые движения с ложками, с которыми у него был свой великолепный номер. Я сам пробовал работать с ними, полагаясь исключительно на собственную интуицию. В ансамбле мы учились этому все вместе, и в результате у нас даже возникла школа приемов игры на ложках.

Везде, где мы бывали с концертами, я всегда ходил по комиссионным магазинам, искал музыкальные фабрики, знакомился с людьми, которые на заказ делают инструменты, бывал у мастеров дома. Потом все эти инструменты мы использовали в детских фольклорных ансамблях.

– И как с «раритетами» обходились дети? Такие инструменты доверяли им?

– Конечно. Дети начинали с ложек и параллельно обучались игре на домрах, балалайках и т.д. Потихонечку осваивали народное пение. Пели казачьи песни, обрядовые, хороводные.

– Наверное, ансамбль, с его экзотическими инструментами, был уникальным явлением не только для Челябинска?

– В то время – да, особенно. Это один из первых ансамблей ложкарей в Челябинской области, детище специально разработанной авторской программы. Была такая экспериментальная площадка, которая объединила две начальные школы, и мне предложили вести предмет «Народное творчество». Уникаль-

ность этого проекта заключалась в том, что дети, прежде не владевшие инструментами, дети самого разного возраста, начинали играть. И не просто играли, а параллельно развивали фантазию. Скажем, я просил изобразить с помощью музыкальных инструментов ночную деревню, путешествие на поезде, мы даже летали в космос, спасая терпящие бедствие космические корабли. Дети моментально включались в процесс.

– И каждый урок был посвящен какой-то теме?

– Совершенно верно. Вот приходят они впервые, а я им: «Сегодня будем путешествовать на поезде!» Вот поезд едет – тут же изображаем на инструментах. Остановка, на остановке дождь, молния, гром!.. И детям всё это очень нравилось. Вообще, по жизни я люблю импровизировать с инструментами. Одно время писал музыку для своих учеников – когда работал в музыкальной школе. Там, если возникали проблемы (например, большой пальчик у ребенка не работает, и т.д.), я придумывал для них соответствующие этюды, музыкальные картинки. Подписывал другой фамилией и вводил в обиход.

– А кроме игры были и «серьезные» занятия?

– Вместо двух-трех раз в неделю я занимался с детьми ежедневно. По разработанной мной программе дети проходили комплексное обучение: сольное, ансамблевое исполнение, импровизация, подбор на слух, чтение с листа и владение несколькими музыкальными инструментами. По окончании курса участник ансамбля мог поступить в музыкальное училище и продолжать играть уже в оркестре. Коллектив был участником фестиваля в Москве на ВДНХ, где представлял культуру Южного Урала, а также музыкальных фестивалей в Самарканде, Ташкенте, Саратове, Харькове и городах Челябинской области. Наш ансамбль приглашали во Францию, Америку.

– На сколько лет была рассчитана программа?

– Занимались 7 лет, как в музыкальной школе.

– Принимали всех желающих?

– Именно желающих. Я брал детей, которые хотели заниматься. Бывает, что ребенок очень талантлив, но заниматься не хочет. А у меня первый принцип, чтобы ребенок *хотел* заниматься. В любом деле 99% это труд, и только 1% – талант. Вот мы и приглашали тех, кто *хотел*. А остальное – дело педагога. Если ребенок даже не поющий, то путем собственного упорного труда, при располагающей обстановке и продуманной программе, он начинал петь, играть на инструментах.

– Развитие трудовых навыков посредством музыки?

– Совершенно верно. Ведь страшно, когда ребенок не умеет работать. Раньше в семье он всегда был занят, помогал по хозяйству, чистил снег, ухаживал за скотиной. Сейчас этого ничего нет. Ребенок проснулся, и всё уже готовое перед ним – телевизор включил, компьютер есть. А работать не научили! Такой ребенок приходит на занятие и через 10 минут уже отвлекается. Поэтому сам я

все время экспериментирую, постоянно ишу какие-то формы, пытаюсь что-то изменить, и – мурашки бегут по коже, когда понимаю, что сделал что-то необычное, нестандартное – заинтересовал ребенка. Мне часто задают вопрос: кто вы? То ли народник, то ли духовик, то ли стружник, то ли ударник? А я психолог, педагог, а прежде всего – музыкант. Я пытаюсь всеми доступными мне средствами донести материал, всякий раз изобретая новые способы в зависимости от слушателей. Психологи, посещавшие мои лекции, говорят, что мои занятия носят форму музыкальной терапии. Инструменты в моих руках воспринимаются как предмет положительного воздействия. Порой приходит ребенок и всё не слушает – крутится, вертится, а я беру инструмент и начинаю играть. И его внимание потихоньку концентрируется. Или понижаю голос до шепота, так что становится слышен лишь мой голос – голос рассказчика.

– В вашем педагогическом обиходе есть легенды, предания?

– Конечно, без них нельзя. Материал лучше воспринимается, если исторические факты преподнести в образах. У меня припасены истории возникновения инструментов из сказочных былин, легенд, народных поверий. И про жалеюку, и про рожок, балалайку, гусли. Я работаю с аудиторией как дирижер с оркестром. То рассказываю сам, то вступаю в диалог, то предлагаю принять участие в демонстрации музыкального инструмента. Желающих хоть отбавляй. Особенно не обойтись без сказки в аудитории дошкольного возраста. Для маленьких деток и кукушка кукует, и корова мычит, и дождь шумит, и петух кукарекает.

– Какова судьба «Уральского сувенира»?

– Ансамблю было около 30 лет, когда его не стало. Жизнь внесла свои коррективы – и он просто оказался никому не нужен. И однако, для некоторых участников ансамбль сыграл роль стартовой площадки в деле получения дальнейшего музыкального образования, для других остался на уровне «бардовского увлечения». Они получили свою долю духовного воспитания, интересного детства, общения со сверстниками.

– Завод ЧТЗ не поддержал свой коллектив? Ведь это же почетно для любого завода!

– Именно. Такого музея с такими музыкальными коллективами больше нет в России. Он – уникальный! ЧТЗ всегда ассоциировался с музеем, с ансамблем «Уральский сувенир». По сути, мы делали заводу рекламу на всю страну. Кроме того, проводили уникальные тематические выставки в залах Дворца ЧТЗ, готовили экспозиции, проводили национальные праздники, показывали обряды, находили народные коллективы, приглашали их сюда. Возроди-

выездные, сказываются перепады температур, – инструменты деформируются, кожа не выдерживает, трескается.

– Кроме инструментов, что еще вывозите?

– Еще костюмы и предметы обихода казачества: паласы, занавески, обувь. Есть копии головных уборов: кокошники с бисером, будёновский шлем 1933 года, китайские шляпы, индийские головные уборы. В конце программы мы наряжаем детей – они просто в восторге, их уже не оторвать! Они готовы еще час там пробыть, а потом... уже другими глазами смотрят на инструменты.

– Сколько лет самому старшему инструменту в вашей коллекции?

– Больше ста лет. Есть инструменты, которых в России всего несколько штук. Есть неаполитанские мандолины, американская мандолина очень хорошего качества. Есть афганский рубок, редчайший старинный инструмент. Старинная флейта из черного дерева, русские свирели. Есть белый баян – авторская работа. О каждой вещи есть информация, какой мастер сделал, когда, каким образом инструмент попал в коллекцию, – полное описание экспоната. – Вы много путешествуете. В других городах Уральского региона более трепетное отношение к культуре, народным традициям?

– Везде по-разному. Я могу сравнить с коллективами в Башкортостане, Свердловской области, Пермском крае. Там – лучше. Даже в Курганской области – лучше! Слава Богу, есть города, где всё это нужно. В Екатеринбурге частные коллекции поддерживаются, для них выделяются помещения. Я смотрю с такой завистью, как в Европе преподносят экспонаты. Любую небольшую вещь преподносят как шедевр, так уж оформят ее! А у нас приезжает человек в Челябинск, и куда ему пойти? Не так уж и много культурных мест в городе – тех же музеев. И это в миллионнике! Но надо же хотя бы для туристов создавать условия, заинтересовывать их.

– Если пометить о стационарной выставке, какого рода помещение понадобилось бы, чтобы всё расположилось на своих местах?

– Если мечтать, то это стационарный музей с выставочными залами и концертным залом.

– Какое будущее у ваших коллекций и «музея-на-колесах»?

– Конечно, в перспективе коллекция должна быть подарена городу. Но челябинские музеи переполнены, им самим негде показать свои сокровища. Поражает то, что закрыли геологический музей. И это на Урале! Вместо того чтобы закрывать музеи, нужно работать, придумывать новые формы подачи экспонатов, чтобы было интересно современной аудитории. Работник любого музея должен быть немного актером, должен уметь проводить интересные экскурсии. Я сам стремлюсь именно к этому, и мне очень приятно, когда меня сравнивают с актером. У меня в полном смысле слова – театр одного актера.

Сергей Нефёдов. Страницы книги

Нефёдов С. М. Лунная походка. Избранная проза. – Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2007. Тираж 1000 экземпляров. Книга уже давно стала библиографической редкостью. Познакомиться с ней можно в библиотеках области, а также на сайте Zenon74.ru в разделе Круг чтения / Тексты.

Лунная походка

Помню отца танцующим чечетку на остановке в Синеглазово; автобуса не было, и бог весть когда он припилит; мы, как было заведено в то далекое время, всем семейством ездил в гости к сестре отца, а моей стало быть крестной, и к крестному, ее мужу. Где мы там бегали и играли, какой у них был дом, не знаю; но вот на остановке, где никого не было, кроме нас: летний вечер, тишина, изредка машина проташится, – и дробь каблучков, и перебор ладоней, все это так легко, неожиданно, весело, как внезапно и кончилось.

Откуда в нем это? Прожив так много с отцом рядом, у него ничего определенного сказать о нем не берусь. Так, какие-то эпизоды. Как-то раскидал компанию мужиков; мне сказал – поддержи. Я взял его плащ, а он начал месить эту свору красногордых. Они вылетали, выщелкивались по одному, выплевывая зубы. Правда, рукав его я тоже потом нес, а он, приложив пятак к глазу, сказал – «пошли дальше». Девушка успела убежать, а мы пошли дальше по парку культуры и отдыха. Пятиклассник, чем я мог помочь?

Как-то отец купил аккордеон, наклеил бумажки на клавиши, и началась попытка моя. Может, у меня слуха не было, может, он педагог

был фиговый, но в итоге именно его пальцы литейщика начали с достойным упорством тыкаться в клавиши. Из всей кучи наших пластинок я особенно любил с художественным свистом. Вот чему, пожалуй, я был не прочь подучиться. Но мне как-то и в голову не пришло спросить кого-нибудь; свистит, и я свищу. «Не свисти, – говорили мне, – денег не будет». В общем, по воскресеньям аккордеон доставался из футляра с бесстыдно красивыми внутренностями, после обильного застолья, как заведено было тогда – каждый выходной сборы,

чаще всего у нас, с водкой, портешком, пивом, цыганочкой и барыней. Орали они все будь здоров, еще до аккордеона; инструмент – на случай пляски, в пол хорошенько врезать дробью да с визгом. Когда начиналось застольное пение, мы, дети, обычно убежали в другую комнату или на улицу. Сестра редела и затыкала уши над невыученными уроками.

Осенью отец, набив подпол картошкой, говорил: «Ну, еще зиму протянем», – и заваливался с книгой на диван, если это был будний день. Читал он все свободное время, лишь с большой нужды набивал рюкзак и чемодан книгами, чтобы сдать в бук... от полочки до полочки. «Неву» он выписывал не то десять, не то двадцать лет. «Невой» была уставлена вся стена. Как-то он все-таки выбрался в Ленинград. Приехал возбужденный, помолодевший, и восторженным рассказом об архитектуре Ленинграда не было конца. Как это все воспринималось подростком, нетрудно догадаться – каккая фурия! Это сейчас я понимаю его, по прошествии бог знает скольких лет; вырваться из чумазого, неприглядного города, ни музея стоящего, ни театра, города, где он год работал по указу за опоздание на работу (на какие-то минуты) свечетом в двадцать процентов. То время осталось невытравленным в наших душах, и пока жив будет хоть один слышавший заводской гудок, жива останется и память: полная зависимость от завода. И не верилось мужику ни в одну власть, ни при какой власти. Хочется чего-то такого. А чего? Выходной настает; вспомним, как наши отцы гуляли. И дребезжат стекла в окнах от слитного, в унисон, хора застольного.

Право слово, я могу бесконечно об этом говорить, поскольку ничего уже ото всего этого не осталось. В основном такая простая мысль проклеивается: а что же мы собой представляем – следующее поколение? Да ничего особенного. Мы оторваны, и у нас тоска другая. Я не могу без волнения смотреть на свежую фотографию Майкла Джексона. Нет, я не меломан, мне до лампы, о чем он поет, да и голос, это вам, согласитесь, не Фредди Меркури, но однажды мне посчастливилось увидеть московское выступление Майкла, и я отвесил челюсть, что называется. Этого просто не может быть – как он танцует, мурашки побежали. Могу вот так, и еще вот так, и эдак, ну же, господа-товарищи, радуйтесь, вот она – «лунная походка». Где-то я видел похожий всплеск души, ну да, автобусная остановка, Синеглазово, тридцать с чем-то лет назад, да это же мой папа!

Мальчик и смерть

Жил один мальчик. Он ходил в школу. Ему было все равно, пока он не узнал, что умрет. И тогда ему стало страшно. Потерять папу и маму, бабушку и дедушку, сестру. Он пробовал об этом говорить со взрослыми и понял, что про это неудобно говорить, все равно что спрашивать, откуда берутся дети. Он никогда не спрашивал, потому что чувствовал, как неудобно про это. То ли дело с ребятами во дворе, и про откуда дети, и про смерть. «Когда помрешь, – говорила соседка по парте, – положат пятак на веки, чтоб не открывались, как моей бабушке». И потом вечно столько забот и дел, отвлекающих от этого каверзного вопроса, что просто невпроворот. И взрослым некогда об этом думать, им это скучно, неинтересно. Они соби-

с подружками. А его кто-то толкал в спину, и вот он уже бежит, чтоб не упасть, пинает мяч, несется дальше. Потом, после игры, когда они сидят на лавке возле дома, запыхавшись, возбужденные, и обсуждают матч, ему не кажется мысль о смерти грустной, она обыкновенная. И засыпая, он словно прятал ее под подушку, она не докучала, она изменялась вместе с ним. Он воспринимал ее, оказывается, по-разному, в зависимости от настроения и обстоятельств. «Только что мне было не по себе, страшно», – думал он, вспоминая состояние во дворе,

когда вместе с его смертью представлялась смерть и каждого игрока, и девочки возле дома на траве газона с куклами и подружками. «Все подряд исчезнет. Но будет что-то другое, – догадывается он, – обязательно будет. Не будет именно всего этого, неповторимого, не будет Жорки в коротких штанах, Пашки с длинным носом, Кольки, умеющего свистеть по-птичьи, толстого Славки, постоянно сочиняющего про себя истории, Валерки, самого меткого стрелка из рогатки, гундосога Шурки, плаксы и ябеды Катки. Но будет что-то другое, как были у меня другие друзья раньше, когда мы жили в другом конце города, и мне с ними уже не о чем говорить, да я их уже и не помню, я тогда был совсем маленький. Как звали младшего брата парня, который служил в мореходке? Мне так хотелось приблизиться хоть на капельку к настоящему моряку, но ему было

со мной неинтересно, как мне неинтересно было с его младшим братом, мямлей и рохлей. А моряк в белой нарядной матроске сидел на бревнах со старшими ребятами, курил и сплевывал тонкой струйкой сквозь зубы, на зависть остальным мальчишкам. Меня они, впрочем, прогнали от своей компании. «Нечего тебе со старшими водиться. Ступай играть с Костькой». Вспомнил, его звали Костя». И мальчик засыпал, представляя соседку по парте голой, как на картинке, где купаются без трусов деревенские девчонки под нависшими ветвями. Плеск и смех.

Печаль

Как приятно грустить, погружаясь в глубину меланхолии, ни с кем не общаясь, тихо слушать мер-

ный ход мыслей, чувствовать себя полностью побежденным жизнью, ходом времени, отжившим, отжившим, облетевшим.

Никогда еще не было так хорошо и спокойно; ты видишь: ты все потерял; все, о чем мечтал, думал, что лелеял. Зачем было спешить на свидание и гладить брюки, галстук, рубашку? Успокойся, сердце, миры, о которых мечталось, тебе не нужны. Богатство, роскошь, изысканные яства – всё труха; и не имеет значения, во что одеваться, на чем спать. Жажда новых вещей, ощущений, волнений необычных – всё лишь туман, и лживы глаза, обещающие наслаждение. Стал я щедрый и печальный, ничего у меня нет, я никому не должен. Приятно плыть по реке вечером в тумане, блестят огоньки, перекликаются петухи. Звезды и девушки пускают по воде венки. Неси меня, река, вниз, вниз.

Озеро в горах

Продается «Крем клубничный» и «Нежинская рябина», продается советское шампанское со складов обкома, продается налим, лосось, язь, зубатка, гибрид карпа с карасем, последний отменно хорош в пироге; продается «Красное колесо» в 12-ти томах и Британская энциклопедия в 54-х, продается Бердяев и Лосский, продается Геннадий Айги, когда-то в разрозненных листках, ни на что не похожий, невразумительный, непонятный, как Велимир Хлебников, хотя допускаешь, что в этом и состоит величие...

А мы с тобой живем на развесистом дереве в цвету и разглядываем оттуда в бинокль происходящее, и не совсем пристально; птицы нам приносят еду в судках, по телефону узнаем новости, спим в неустойчивых спальных мешках на гамаках, дерево наше ветвями упирается в скалы, скалы держат высокое чистое озеро, где редко досидит до утренней зорьки в черной шляпе заплывший сюда рыбак.

Глиняные свистульки

Глиняные свистульки, в силу ли своей дикой безвкусицы, вовсе исчезли из нашего поля зрения. А когда-то они были несбыточной мечтой. Как я завидовал бойкому мальчику, обменивавшему ворох тряпья на свистульку и самозабвенно свистевшему, зажимавшему то одну дырку на птичке, в чей хвост надо было дуть, то другую. Мальчику, стоявшему неподалеку от голубого обшарпанного фургона ремошника... Это мое: глазурированная коричневая птичка-свистулька; дед, потерявший шапку, которую мы нашли, а в ней оказались птенцы; жестяные крашенные игрушки; банки из-под конфет... Все это личное, и это ключ к дверям, ведущим в волшебный город. Город дураков. И детей.

В оформлении использованы работы Сергея Нефёдова (см. сайт Zenon74.ru, раздел Город как искусство / Краски города).

Довлатов, Гоген, Нефёдов?

(О книге прозы известного челябинского художника)

Книга рассказов Сергея Нефёдова «Лунная походка», вышедшая несколько лет назад в издательстве Игоря Розина, практически не обратила на себя внимания. И не только из-за небольшого (1000 экземпляров) тиража. Просто книга явно «не из нашего времени». Ведь никто в ней не «хочитесь» на читателя, не стремится завладеть его вниманием, обаять или обольстить. Из какого же? Из времени большой литературы, большого стиля, из времени «вечных сюжетов», «вечных ценностей».

Вообще-то Сергей Нефёдов – известный в Челябинске художник. Но известность его – сродни известности какого-нибудь Тома Сойера, Гека Финна, или, если угодно, Пикассо и Модильяни. В свои пятьдесят с хвостиком он остается человеком, взражающим на мир глазами ребенка. Тот, кто видел его живопись, вряд ли захочет это оспорить. Мир на его картинах светится волшебным светом новизны и тайны. Это неустойчивый, текучий, постоянно меняющийся, но неизменно праздничный мир, краски которого – краски детства. Именно краски, их экспрессия, а не сюжет, составляют его основу. Такова же в каком-то смысле и проза Нефёдова. В книге собраны его рассказы и миниатюры, создававшиеся на протяжении не одного десятилетия. Конечно, в его рассказах есть сюжет, в его миниатюрах – интрига, но всё же слово, которое должно было бы стоять ключевым подзаголовком на титульной странице, это – «Исповедь». Исповедь перед собой, исповедь перед лицом Высшего, перед лицом Смерти.

Современный человек живет так, словно он бессмертен. Ему просто некогда думать «непозитивно». Культ «позитивности» превратил и саму смерть – в игрушку, которой весело жонглируют новоявленные «мастера прозы». Нефёдов не играет в смерть. Он в своих рассказах именно-таки пытается всмотреться в Нее, приблизиться к ней, увидеть себя и жизнь свою как бы в последний раз, словно бы с последнего порога.

В сущности, проза Нефёдова – это поэтическая проза. Это видно и по ритмам ее, и по исповедальности, и по реминисценциям и отсылкам. В цепочке традиции, которую продолжает Сергей, «Песнь Песней» и «Экклезиаст», Бунины и Гофман, Саша Соколов, Сергей Довлатов и Веничка Ерофеев. И не важно, что прозе Нефёдова не грозит «всероссийская известность». Таково уж устройство сегодняшнего мира. Однако она согревает сердца некоторых, кому повезло с ней соприкоснуться. Она, несомненно, стала великим «внутренним делом» для самого автора. Ибо, как это происходит всегда с настоящим творчеством, создавая свои тексты, автор создавал и самого себя. Себя с большой буквы.

Андрей Яншин

раются что ли жить вечно? Почему же тогда, думал он, собаки не боятся? Говорят, они прячутся подальше и всё. И кошки тоже, и голуби. Интересная штука получается: человек – царь природы, а перед лицом смерти выглядит хуже собаки. Тут какая-то тайна.

И он носил в себе эту неразгаданную тайну, иногда забывая ее. Иногда на него находило, и он замирал посреди игры в футбол во дворе. И мяч летел мимо, а он стоял, пораженный догадкой – вот-вот что-то разрешится, откроется, проявится, вот-вот, это так важно, должно быть, – покачиваясь, как дерево от ветра. И пробегали товарищи с открытым ртом, они что-то кричали, наверное, – гол! Эх ты, разиня! Но он не слышал, а слышал, как спускается красный вечер на крыши, на окна, на девочку-соседку, играющую в дом